

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

Авраменко В. И. (Минск)

Жанр философского романа в современном литературоведении

Литературоведческая наука трактует жанр философского романа крайне разнообразно. Это говорит и о сложности самой проблемы, и о её неугасающей актуальности и привлекательности для литературоведов, но также и о том, что существуют определённые трудности при работе с порой противоречащими друг другу теоретическими данными. Настоящее исследование направлено на определение этих противоречий и их причин, а также на поиск тех направлений в исследовании философского романа, которые могли бы в дальнейшем противоречия устранить.

Среди исследователей жанра философского романа стоит выделить в первую очередь Л. Я. Гаранина и В. В. Агеносова, которые являлись, пожалуй, крупнейшими специалистами в данной области в СССР. В разное время философскому роману уделяли своё внимание Л. Г. Андреев, С. И. Великовский, И. Д. Шкунаева, С. Г. Семёнова, В. В. Бикульчюс, Н. В. Забабунова, Л. Е. Пинский, В. В. Кожин, Ю. Б. Борев, Н. Л. Сержант.

В 1984 году в Минске вышла книга белорусского литературоведа Леонида Гаранина под названием «Философские искания в белорусской литературе». Стоит отметить, что и по сей день этот труд остаётся крупнейшим отечественным исследованием жанра философского романа. Делая акцент на исследовании философичности в первую очередь белорусской литературы, в первых главах своей книги Гаранин рассматривает проблему возникновения в литературе жанра философских произведений и связывает это возникновение с особой степенью развития художественно-философской мысли. Развиваясь исторически, этот особый вид мышления охватывает также различные уровни философской проблематики. Белорусский учёный выделяет три таких уровня. Первый уровень, который он называет нравственно-эстетическим, следует понимать, как обращение художественной литературы к проблеме человека, как отношение литературы к человеку в первую очередь как к части природы и общества. Второй уровень «связан с мировоззренческой, идейной стороной художественных произведений» [3, с. 44] и третий – «с выделением философской проблематики <...> в самостоятельную сферу мыслительной деятельности, с превращением её в специфический объект художественного мышления» [3, с. 45]. По Гаранину к философскому жанру относятся произведения только третьего уровня философской

проблематики, где структурообразующую функцию художественного произведения несёт его интеллектуальная сторона.

Сам Гаранин, между прочим, не придавал этим выводам чрезмерной значимости и не привязывал своё собственное исследование к изучению только тех произведений белорусских классиков, которые связаны лишь с третьим уровнем философичности.

По многим пунктам не соглашается с белорусским учёным второй крупный исследователь жанра философского романа Владимир Агеносов. В своих работах, посвящённых генезису философского романа (1986) и советскому философскому роману (1988), он критикует Гаранина за непоследовательность (по мнению Агеносова, исследовать философичность белорусской прозы необходимо было именно на третьем уровне), неправомерное расширение понятия философской проблематики и деятельности (философская проблематика у Гаранина может быть связана не только с собственно философскими проблемами, но также и с нравственными, историческими, политическими, социальными и т. д.), неправильную оценку творчества классиков русской литературы и т. д. В целом, весь характер критики Агеносова обоснован его желанием сузить то значение прилагательного «философский», которое ему придаётся в литературоведении. Агеносов разграничивает понятия «философский» и «парафилософский», «философский» и «интеллектуальный» и понимает под философией в литературе постановку преимущественно субстанциональных проблем бытия, или, иначе говоря, тех проблем, которые компетентна решать сугубо философская наука, а не любая другая. Но наличие самой такой проблемы в произведении ещё не говорит о том, что оно относится к философскому жанру. Критикуя Гаранина, Агеносов вместе с тем соглашается с ним в самом существенном, и оба литературоведа жанрообразующие начала философского романа понимают примерно одинаково. Для Агеносова также представляется важнейшей в нём эта особая связь научной, интеллектуальной стороны и художественной, где они друг друга взаимодополняют и друг на друга влияют, и где научная сторона всё же подчиняет себе художественную.

Взяв за основу принцип «чёткой дифференциации содержания и типа мышления и способов их соединения в единую содержательно-формальную структуру» [1, с. 13], Агеносов выстраивает жанровую модель философского романа, для которой характерны «изображение субстанциональной идеи на всех уровнях произведения» [1, с. 124], наличие исходной философы, которая «получает выражение в обладающих повышенным интеллектуальным содержанием <...> диалогах героев-идеологов» [1, с. 124], сюжет,

который представляет собой проверку «на различных уровнях высказанных идеологами положений» [1, с. 124], введение мифа, сказки, притчи, утопии, а также принцип вертикального времени. Выстраивая свою модель, Агеносов отталкивается, как это видно, от романа эпохи Просвещения, что, на первый взгляд, закономерно, поскольку именно во Франции в XVIII в. произошло рождение жанра философского романа «как реальности», то есть проявилось «самосознание жанра» [4], о чём пишет известный литературовед Нина Забабурова.

В соответствии с теорией Агеносова, однако, совершенно парадоксально не каждый философский роман эпохи Просвещения оказывается философским. Так, он говорит о том, что философскими романами не являются такие произведения Вольтера как «Простодушный» и «Царевна вавилонская» в силу того, что само повествование в этих произведениях представляет собой лишь критику общества, религии и так далее, то есть сюжет двигает философская оценка, а не философская идея. По его мнению, «философская оценка есть в любом значительном произведении литературы, философская идея, определяющая собой всю систему художественных координат произведения – присуща только философскому роману» [1, с. 55]. По мнению учёного, произведение также может потерять свою философскую глубину при отсутствии в нём «сильных героев-идеологов» [2, с. 24] (в данном случае Агеносов анализировал произведение Чингиза Айтматова) или любой другой необходимой жанрообразующей составляющей.

Прежде всего, такие положения выбивают почву из под ног действительно существующего философского жанра во французской литературе. Абстрактная жанровая модель начинает довлеть над реальным явлением и его вытеснять (здесь уместно вспомнить яркий пример критической позиции французских классицистов XVII в.). Оказаться вовсе не философскими могут и некоторые произведения экзистенциалистов, романы Франца Кафки, Германа Гессе, Антуана де Сент-Экзюпери и многих других философствующих писателей и писателей-философов.

Очевидно, что Агеносов превратно трактует зарубежный философский роман, хотя и в силу определённых печальных традиций в советском литературоведении того времени. Подлинными наследниками романа эпохи Просвещения оказываются произведения писателей соцреализма, а вовсе не французских экзистенциалистов (с чем могла бы не согласиться Светлана Семёнова, автор диссертации, посвящённой творчеству Жан-Поля Сартра и Альбера Камю). Противоречие теории Агеносова проявляется именно постольку, *поскольку она исходит из субъективного взгляда на феномен*

философского в художественной литературе. В свою очередь этот взгляд задерживается, прежде всего, на произведениях писателей соцреализма и некоторых романах французских просветителей.

Многим литературоведам абсолютно справедливо представлялся необходимым этот синтез имеющихся разрозненных исследований философских произведений в целостную теорию жанра философского романа. Однако неоднократные попытки такого синтеза неизбежно возвращают исследователей к формуле, которая близка какому-либо одному представлению о философском. Например, молодой российский философ Глеб Мехед понимает философию как «динамическое проблемное ядро рациональности» [5], как метанауку, ценность которой и отличие от других наук состоит в способности хранить и задавать «вечные», неразрешимые вопросы, и поэтому философскими произведениями считает, в первую очередь, романы Достоевского, но отвергает в этом отношении «Что делать?» Чернышевского и романы просветителей. В свою очередь, если мы обратимся к философии экзистенциализма и модели экзистенциалистского романа и попытаемся на этой почве синтезировать общую формулу философского романа, то очевидно, что эта формула будет существенно отличаться от той, которую нам предлагают Агеносов или Мехед. Однако подобный эксперимент обречён на очевидное несовершенство, и мы бы допустили ошибку. Французский экзистенциализм относится к совершенно особой философской и художественной системе координат и, хотя и является в некоторой степени наследником эпохи Просвещения, ни к романам просветителей, ни к любому другому произведению такая формула не была бы применима.

Наблюдения показывают, что *представление исследователя о философском романе и его жанрообразующих признаках находится в прямой зависимости от его представления о собственно философском.* Вместе с тем его понимание философского в художественной литературе связано с тем, к каким произведениям он обращается, а обращается он, прежде всего, к таким, в которых видит наивысшее воплощение этого философского.

Ключ к вопросу о том, что такое философский роман, кроется, таким образом, не в его жанровых признаках, а в том, *что значит философский и как это философское в художественном произведении следует понимать.* Один из этих вопросов находится уже вне компетенции литературоведения. Значит, ответ нужно искать у философов. Похоже, что жанр философского романа стоит рассматривать сугубо как *метажанр*, объединяющий в себе и некоторые утопии, и французский роман эпохи Просвещения,

и русский роман XIX в., и экзистенциалистский роман и многие другие произведения, суть которых есть всегда *поиск истины*. Такое понимание философского творчества восходит к Платону и его диалогу *Федр*. У жанра должны быть жанрообразующие признаки, но ни один из упомянутых нами жанровых признаков философского романа не является достаточно универсальным, в то время как любой философский роман, подобно создающему его философскому сознанию, стремится к истине, что и является его единственной устойчивой универсальной характеристикой. Но ведь и поиск истины, очевидно, проявляется в литературе в совершенно разнообразных формах. Тогда оказывается, что та модель жанра философского романа, которую нам предлагают Гаранин и Агеносов, представляет собой лишь одну такую форму. И если *природа философского романа должна зависеть от природы философии, которая участвует в его создании*, получается, что изучать философский роман как жанр и как конкретное явление, значит изучать всё разнообразие этих форм, или, иными словами, изучать *формы философствования в художественных произведениях*, но это уже совершенно иная парадигма литературоведческих исследований.

Библиографические ссылки

1. Агеносов В. В. Генезис философского романа. М. : Московский гос. педагог. ин-т, 1986. 131 с.
2. Агеносов В. В. Советский философский роман. Генезис. Проблематика и типология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02 ; Московский гос. педагог. ин-т. М., 1988. 32 с.
3. Гаранин Л. Я. Философские искания в белорусской литературе. Минск : Наука и техника, 1984. 222 с.
4. Забабурова Н. В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра [Электронный ресурс] // Литература эпохи просвещения. Режим доступа : <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zababurova-francuzskij-filosofskij-roman.htm>. Дата доступа : 11.03.2019.
5. Мехед Г. Н. Художественная литература как метод философии [Электронный ресурс] // Электронные журналы издательства notabene. Режим доступа : http://www.e-notabene.ru/fr/article_21483.html. Дата доступа : 11.03.2019.

Аксёникова-Бирюкова А. А. (Гомель) Культура устной речи и орфографическая грамотность в условиях белорусско-русского двуязычия

Республика Беларусь – это страна, в которой официально признаны государственными два языка: русский и белорусский. Двуязычие в стране является близкородственным, что обусловлено едиными генетическими корнями и сходством белорусского и русского языков на всех языковых уровнях. Практически каждый житель страны является